

У мазохизма есть свои строгие правила. И мы соглашаемся терпеть боль, только если она изнанка любви.

Айрис Мердок

Рихард фон Крафт-Эбинг

ПРЕДИСЛОВИЕ

*к первому изданию монументального труда
психиатра «Половая психопатия»*

Лишь очень немногие вполне сознают могучее влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки как каждого отдельного человека, так и всего общества. В стихотворении «Мудрецы» Шиллер говорит об этом факте следующим образом:

Покуда мира строй и вид
Нам философия хранит,
Землею правит всею
Любовь и голод с нею¹.

Достоинно внимания то обстоятельство, что роль половой жизни встретила лишь крайне ничтожную оценку даже со стороны философов.

Шопенгауэр («Мир как воля и представление») прямо удивляется тому, что любовь до настоящего времени служила материалом только для поэзии, а не для философии, если не считать скудных исследований, находимых нами у Платона, Руссо и Канта.

То, что Шопенгауэр, а вслед за ним творец философии бессознательного Э. фон Гартман высказывают о половых

отношениях, до такой степени ошибочно и страдает обилием общих мест, что если исключить работы Мишле («Любовь») и Мантегаццы («Физиология удовольствия»), представляющие скорее остроумную беседу, чем научное исследование, то придется признать, что как эмпирическая психология, так и метафизика половой стороны человеческой жизни являются пока еще почти совершенно нетронутой научной почвой.

Можно было бы полагать, что поэты — лучшие психологи, чем профессиональные психологи и философы, но вся суть в том, что они люди чувства, а не логики и по меньшей мере односторонни в исследовании интересующей нас области. Свет и тепло любви, вдохновляющей их, заслоняют им теневые ее стороны. Какой бы неистощимый материал ни дала историку «психология любви», этой поэзии всех времен и народов, великая загадка может найти свое разрешение только при содействии естествознания и, в частности медицины, черпающей психологический материал непосредственно из всестороннего изучения анатомо-физиологических данных.

Быть может, медицине удастся при этом найти посредствующую точку зрения для философского познания, одинаково далекую как от безотрадного мировоззрения философов-пессимистов вроде Шопенгауэра и Гартмана, так и от жизнерадостного наивного оптимизма поэтов.

Автор отнюдь не имеет в виду положить краеугольный камень в создание психологии половой жизни, хотя не подлежит сомнению, что психопатология явилась бы одним из важнейших источников для знакомства с психологией.

Задача настоящего исследования — познакомить с психопатологическими явлениями половой жизни и попытаться свести их к закономерным условиям. Задача эта нелегка, и несмотря на многолетний опыт, вынесенный мною из моей деятельности в качестве психиатра и судебного врача, я прекрасно сознаю, насколько труд мой далек от желательного совершенства.

Важное значение затронутого мною предмета для общественного блага и, в частности, для судебной практики требует, чтобы исследование его было обставлено вполне научно. Только тот, кому в качестве судебного врача приходилось давать свое заключение о близких своих, жизнь, свобода и честь которых зависели от этого заключения, и горьким опытом прийти к безуспешному выводу о несовершенстве наших знаний в области патологии половой жизни, только тот может по достоинству оценить важность и значение попытки дать здесь общие руководящие принципы.

Во всяком случае, в области половых преступлений еще до настоящего времени господствуют самые превратные воззрения и самые нелепые заблуждения, отражающиеся, конечно, и на законодательстве, и на общественном мнении.

Тот, кто избирает предметом научного исследования психопатологию половой жизни, становится лицом к лицу с темной стороной человеческой жизни, с бедствием, в тени которого человек, «образ и подобие Божие» поэта, превращается в гнусное, чудовищное существо, отвращающее от себя и эстетика, и моралиста.

На долю медицины, и в частности психиатрии, выпала печальная привилегия постоянного созерцания оборотной стороны человеческой жизни, ее слабостей и пороков.

Быть может, она найдет себе утешение в своем тяжелом призвании, а моралисту и эстетика доставит удовлетворение свести к патологическим условиям многое из того, что оскорбляет наше этическое и эстетическое чувство. Этим она возьмет на себя защиту и чести человечества перед судом морали, и чести единичных жертв рока перед их судьями и согражданами. Права и обязанности врачебной науки по отношению к таким исследованиям являются логическим выражением той высокой цели, которая должна отмечать всякое изыскание, — стремления к истине.

Автор в этом отношении вполне придерживается взгляда, сформулированного Тардьё («О преступлениях против нравственности»): «Никакая физическая или моральная ущербность, никакое несчастье, даже если оно свидетельст-

вует о порочности, не должно отпугивать того, кто посвятил себя науке о человеке, и священное служение медицине, обязывающее его видеть все, разрешает ему и ничего не утаивать».

Нижеследующие страницы предназначены для людей, интересующихся серьезными исследованиями в области естествознания и юриспруденции. Для того чтобы они не могли служить предметом чтения непривзванных, автор счел нужным избрать заглавие, понятное только специалисту, равно как по возможности прибегать к соответствующим терминам. Кроме того, отдельные места, особенно оскорбляющие наш слух, переданы на латинском языке.

Выражаем надежду, что исследование, посвященное одной из важных областей жизни и могущее дать врачам и юристам некоторый ключ к ее уразумению, встретит среди них благосклонный прием и пополнит действительный пробел в литературе, которая, за исключением нескольких статей и рассмотрения отдельных случаев, насчитывает всего две монографии — Моро и Тарновского, посвященные притом лишь некоторым вопросам нашей темы.

ПАРЕСТЕЗИЯ ПОЛОВОГО ЧУВСТВА (ИЗВРАЩЕНИЕ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ)

В этом случае круг половых представлений отличается извращенной окраской, поскольку представления, которые при физиопсихологических условиях вызывают отвращение, при описываемой аномалии сопровождаются страстным вожделением, доходящим иной раз даже до степени аффекта. Практическим последствием являются извращенные действия (извращение полового инстинкта). Это происходит гораздо легче, если усиленные до степени аффекта страстные вожделения подавляют еще сохранившиеся представления и чувства противоположного характера или если эти последние, из-за отсутствия или утраты этических и эстетических представлений, вообще не возникают. Такие

условия как раз и встречаются там, где источник этических представлений и чувств (нормальное половое ощущение) уже с раннего детства ненормален.

Извращением — при существующей возможности естественного полового удовлетворения — необходимо считать всякое проявление полового инстинкта, не соответствующее целям природы, т. е. размножению. Обусловленные парестезией извращения полового акта имеют в высшей степени важное клиническое, социальное и судебно-медицинское значение. Это обстоятельство побуждает нас, преодолев всякое этическое и эстетическое отвращение, остановиться на них более подробно.

Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с *извращенностью* половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике. Парестезия² может сочетаться с гиперестезией, и сочетание это клинически встречается довольно часто. Извращение полового удовлетворения может быть направлено на лиц как своего, так и другого пола. Отсюда деление описываемой аномалии на две большие группы извращений половой жизни.

САДИЗМ

Связь активной жестокости и насилия со сладострастием

В области полового извращения садизм не является редкостью, если, конечно, принять во внимание его рудиментарные проявления. Садизм есть ощущение полового удовольствия, доходящее до оргазма при виде и при ис-

пытывании наказаний и других жестокостей, совершаемых над человеком или даже над животным; садизмом называется также стремление причинять другим живым существам унижение, страдания, даже боли и раны с целью вызвать ощущение сексуального удовольствия.

Нередко врачу как доверенному лицу приходится слышать, что один из супругов при половом экстазе бьет другого, кусает, толкает, так что поцелуй незаметно переходит в укус. Иногда можно также наблюдать, как влюбленные супруги «из шалости» друг друга крепко давят, щиплют. Между этими, быть может, еще атавистическими явлениями в области половой жизни и чудовищными актами убийства одного из супругов в половом экстазе есть многочисленные переходные ступени.

Совершенно своеобразное, несомненно, садистское и, во всяком случае, не физиологическое явление современной культурной жизни заключается в очень бурном совершении полового акта одним из супругов, которое доходит до угроз и толчков. По всей вероятности, слишком большая сдержанность жены по сравнению с сексуальными домогательствами мужа, и именно в первое время брачного сожителства, пробуждает у мужа, при наличии гиперсексуальности, подобные садистские наклонности, на почве которых и возникают такие сцены. Так как, однако, сдержанность женщины и как бы насильственное овладение ею мужем вызывает и у нее приятные ощущения, то подобные комедии любви повторяются. Дальнейшее развитие таких садистских наклонностей состоит в том, что мужчина жаждет совокупления в ненадлежащем месте, причем он наслаждается смущением, стыдливостью жены, дает ей чувствовать свое превосходство и вызывает с ее стороны противодействие.

Наблюдение 1. Один из моих пациентов с тяжелой наследственностью, человек со странностями, муж необыкновенно красивой женщины с живым темпераментом, чувствовал отвращение к чистоте и нежности кожи жены и к ее

элегантным туалетам, и, наоборот, охотно сходилась с простыми, особенно нечистоплотными особами (фетишизм). Одновременно случалось, что он на уединенной прогулке принуждал свою жену к половому акту, несмотря на ее сопротивление, бросал ее на землю и удовлетворял свои желания на лесной тропинке, в кустах. Чем больше было сопротивление, тем больше он возбуждался, и его потенция не оставляла желать ничего более. То же происходило и в месте, где существовала опасность быть застигнутыми, например, во время путешествия в купе вагона, в клозете ресторана, и в то же время никогда у него не появлялось желания в брачной постели.

Так как у современного культурного человека, поскольку он наследственно не отягощен, ассоциация между сладострастием и жестокостью очень слаба и проявляется в рудиментарной форме, то возникновение связи между ними, ненормально легкое взаимное их возбуждение, их проявление часто в невероятных действиях надо искать в ненормальном (дегенеративном) предрасположении, в большой склонности к ассоциации в области чувства и полового влечения (половая и двигательная сфера).

Здесь, очевидно, дело в простом пробуждении душевных наклонностей из их латентного (скрытого) состояния путем внешних воздействий, которые для нормального человека лишены всякого значения, а тем более не способны вызвать аффект.

В смысле современного учения об ассоциации здесь не может быть и речи о случайной связи направлений чувства и полового влечения. Нередко садистские ощущения начинаются в детстве и возникают в тот период жизни, когда нельзя и думать о вызывании их путем внешних воздействий и в особенности об их половом характере.

Поэтому садизм, равно как и мазохизм и однополюсное влечение, должен рассматриваться как природные аномалии половой жизни. Это расстройство или отклонение в эволюции психосексуальных процессов на почве психической дегенерации.

То, что сладострастие и жестокость часто сочетаются друг с другом, — факт давно известный. На это явление указывали писатели всех направлений.

Блумредер видел мужчину с многочисленными ранами на груди, нанесенными развратной женщиной, которая достигала наслаждения укусами.

Балл сообщает о случае из своей «Клиники Св. Анны», где очень сильный физически эпилептик во время совокупления откусил нос у своей возлюбленной и проглотил кусочки носа.

Феррари (Archivio delle psicopatia sessuali, 1896, I. P. 106) сообщает о молодом человеке, который до совокупления щипал свою возлюбленную, во время совокупления кусал и щипал ее, «так как без этого он не испытывал никакого удовольствия». Однажды возлюбленная явилась с жалобой, что он ее слишком сильно изранил.

В сочинении «Об удовольствии и боли» (Friedreich's Magazin für Seelenkunde, 1830, II, 5) обращается специальное внимание на психологическую связь между сладострастием и манией к убийству. Автор указывает на индийский миф о Шиве и Дурге (смерть и сладострастие), на человеческие жертвы со сладострастными мистериями, на половое влечение в период половой зрелости с тягой к самоубийству, на смутное стремление к удовлетворению похоти путем бичевания, щипания половых органов.

Ломброзо (*Lombroso. Verzeni e Agnoletti. Roma, 1874*) также приводит многочисленные примеры появления мании убийства при чрезмерном усилении сладострастия.

С другой стороны, часто мания убийства сопровождается сладострастием. Ломброзо в цитированном труде приводит упоминаемый Мантегаццей факт, что к ужасам грабежа и убийства, производимым разнузданными солдатами в военное время, всегда присоединяется скотское сластолюбие.

Факты эти представляют собой переход к резко выраженным патологическим случаям.

Поучительны примеры выродившихся цезарей (Нерон, Тиберий), которые упивались зрелищем совершавшейся по

их приказанию и на их глазах казни юношей и девиц, равно как и история маршала Жиля де Ре (*Jacob. Curiosit s de l'histoire de France. Paris, 1858*), казненного в 1440 г. за изнасилование и умерщвление в течение 8 лет более 800 детей. По собственному признанию этого чудовища ему, под влиянием чтения Светония и описания оргий Тиберия, Каракаллы и других, пришла идея завлекать детей в свои замки, насиловать их под пытками и затем убивать. Изверг утверждал, что он испытывал при этих ужасах чувство неизъяснимого наслаждения. Пособниками его были два приближенных к нему лица. Трупы несчастных детей сжигались, и только несколько особенно красивых детских голов он... сохранял на память. Эйленбург (указ. соч., с. 58) приводит почти несомненные доказательства того, что Ре был душевнобольным.

При попытке объяснить эту связь между сладострастием и жестокостью необходимо вернуться к тем как бы еще физиологическим случаям, в которых на высоте сладострастного ощущения сильно возбудимый, но в общем нормальный субъект кусает и царапает партнера по половому акту, т. е. совершает действия, присущие обычно гневному аффекту. Далее следует напомнить о том, что любовь и гнев суть не только два самых сильных аффекта, но вместе с тем и две единственно возможные формы сильного (стенического) аффекта. И та и другой ищут своего объекта, желают овладеть им и, так сказать, разрядиться в форме телесного воздействия на него; и та и другой приводят психомоторную сферу в состояние сильнейшего возбуждения, при посредстве которого и происходит их нормальное внешнее проявление.

С этой точки зрения становится понятным, что сладострастие приводит к действиям, обычно адекватным гневу. Как и этот последний, оно представляет собой состояние экзальтации, могучее возбуждение всей психомоторной сферы. Отсюда рождается желание реагировать на вызывающий это раздражение объект всевозможными путями и в наиболее интенсивной форме. Подобно тому как маниакальная экзальтация легко переходит в неистовое стрем-

ление к разрушению, так и экзальтация полового аффекта обуславливает иногда тягу разрядить общее возбуждение в форме нелепых и, по-видимому, враждебных действий.

Эти последние представляют собой до известной степени психические сочувственные движения; но здесь имеет место не простое бессознательное возбуждение иннервации мышц (иногда, впрочем, наблюдается вместе с тем и оно в форме метания из стороны в сторону), но настоящая гипербулия, желание оказать наиболее сильное воздействие на лицо, служащее источником возбуждения; наиболее же действенным средством для этого является причинение боли.

Взяв за исходную точку такие случаи причинения боли на высоте аффекта сладострастия, мы переходим к случаям, в которых дело доходит до серьезного насилия над жертвой, до ранения ее и даже умерщвления. Здесь влечение к жестокости, могущее сопутствовать сладострастному аффекту, усиливается в психопатическом индивидуе до чрезмерной степени, тогда как, с другой стороны, из-за отсутствия или недостаточности этических чувств все нормальные противодействия оказались или оказываются очень слабыми.

Но у мужчины, у которого чудовищные, садистские действия этого рода наблюдаются несравненно чаще, нежели у женщины, они имеют еще второе сильное обоснование в чисто физиологических условиях.

В общении полов на долю мужчины выпадает активная, даже агрессивная роль, тогда как женщина сохраняет пассивное, оборонительное положение. Для мужчины составляет большой соблазн завоевать женщину, покорить ее, и в искусстве любви непорочность женщины, пребывающей в оборонительном положении до того момента, когда она отдается, является фактором, имеющим высокое психологическое значение. Нормальный мужчина, следовательно, видит себя стоящим лицом к лицу с препятствием, преодоление которого составляет его задачу и облегчено самой природой, наделившей его для этого агрессивным характером. Но при патологических условиях этот агрессивный характер опять-таки может вырасти до чрезмерной величины и превратиться в

стремление безгранично подчинить себе предмет вожделения, подчас вплоть до уничтожения, умерщвления его.

Как только эти составные элементы, — ненормально усиленное влечение к бурной реакции на объект возбуждения и болезненно повышенная потребность подчинить себе женщину, — совпадают, в результате возникают сильнейшие взрывы садизма.

Садизм, таким образом, не что иное, как патологическое усиление — возможных в виде намеков и при нормальных условиях — сопутствующих явлений психической половой жизни, особенно у мужчин, до чрезвычайных и даже чудовищных размеров. Но, само собой разумеется, отнюдь не безусловно необходимо и действительно отнюдь не всегда бывает, что садист сохраняет в своем сознании эти элементы своего влечения. То, что он ощущает, есть обычно только стремление к жестоким и насильственным действиям по отношению к противоположному полу, причем представление о таких актах сопровождается сладострастными ощущениями. Отсюда могущественный импульс к совершению действий, не выходявших до сих пор из круга представлений. Поскольку подлинные мотивы этого влечения не сознаются самим индивидом, садистские акты носят характер импульсивных действий.

При существовании ассоциаций между сладострастием и жестокостью не только сладострастный аффект пробуждает стремление к жестокости, но и, наоборот, представление о жестоких действиях и в особенности созерцание их вызывает в извращенном индивиде сильное половое возбуждение и используется им в этом направлении.

Эмпирического различия между природными и приобретенными случаями садизма провести нельзя. Многие от рождения отягощенные индивиды длительное время прилагают все усилия, чтобы противостоять своим извращенным стремлениям. Если половая сила еще сохранилась, то они вначале ведут нормальную половую жизнь зачастую при содействии внутренних представлений извращенного характера. Только впоследствии, после постепенного

подавления этических и эстетических мотивов противоположного характера и после повторного опыта, показавшего им, что нормальный половой акт не доставляет полного удовлетворения, болезненное влечение прорывается наружу. Такое позднее превращение прирожденной извращенной склонности в действия может симулировать приобретенное извращение. Но умозрительно следует принять, что это психопатическое состояние всегда существует с рождения. Основания для такого воззрения приведены ниже.

Садистские акты крайне разнообразны в зависимости от степени их чудовищности, от власти извращенного влечения над данным индивидом и от силы имеющихся еще противодействий, которые почти всегда в большей или меньшей степени ослабляются прирожденными этическими дефектами, наследственным вырождением, нравственным помешательством. Таким путем возникает длинный ряд форм, начинающийся тягчайшими преступлениями и оканчивающийся самыми нелепыми действиями, которые имеют целью доставить извращенной потребности садиста лишь символическое удовлетворение.

Далее, садистские акты могут быть различаемы еще в зависимости от того, предпринимаются ли они после нормального совокупления, не насытившего, однако, чрезмерной похотливости; от того, производятся ли они в качестве подготовительного этапа для того, чтобы поднять упавшую половую силу; или, наконец, от того, прибегают ли к ним при полном отсутствии потенции как к эквиваленту сделавшегося невозможным полового акта, для достижения семяизвержения. В обоих последних случаях, однако, несмотря на импотенцию, у данного субъекта имеется еще сильная похотливость или, по крайней мере, имелась в то время, когда садистские акты сделались привычными. В половой гиперестезии следует всегда видеть основу садистских наклонностей. Половое бессилие, столь частое у рассматриваемых здесь психо- и невропатических лиц и являющееся в большинстве случаев последствием эксцессов сексуального плана, имевших место уже в ранней юности, бывает

обычно спинальной слабостью. Иногда может наступить и своего рода психическая импотенция под влиянием сосредоточения сознания на извращенном акте, рядом с которым картина нормального полового удовлетворения бледнеет.

В чем бы, однако, ни выражался садизм с внешней стороны, для понимания его существенное значение имеют всегда психически извращенные предрасположение и направление страсти садиста.

а) *Мания убийства на почве сладострастия (сладострастие, усиливающееся до жестокости, мания убийства и антропофагии).*

Наиболее гнусным, но в то же время и наиболее доказательным примером взаимной связи между сладострастием и манией убийства может служить случай Андреаса Бишеля, опубликованный Фейербахом в его «Документальном описании необычных преступлений».

Бишель насиловал молодых девушек и затем убивал и разрезал их на части. Вот как рассказал он на суде об убийстве одной из своих жертв:

«Я вскрыл ей грудь и рассек ножом мясистые части тела. После того я повернул ее, как мясник это делает со скотом, и разрубил топором тело на части, чтобы иметь возможность положить его в яму, вырытую мною на горе. Я должен сознаться, что при вскрытии я чувствовал такую жадность, что дрожал всеми членами и едва удержался от искушения отрезать кусок мяса и съесть его».

Ломброзо также приводит соответствующие случаи; между прочим, он упоминает об одном субъекте по имени Филипп, который имел обыкновение душить после совокупления проституток и однажды выразился так: «Женщин я люблю, но мне забавно душить их после того, как я наслаждался их ласками».

Некто Грасси однажды ночью почувствовал неодолимое желание совершить половой акт со своей родственницей, жившей в одном доме с ним. Раздраженный встреченным сопротивлением, он несколько раз вонзил ей нож в жи-

вот, а когда отец и дядя пытались остановить его, он и им нанес удары тем же оружием. Затем он отправился к одной проститутке, чтобы охладить в ее объятиях свой пыл. Но и это не удовлетворило его. Он убил еще своего отца и заколол несколько быков, стоявших в хлеву.

В том, что многие из таких убийств имеют своим истоком гиперестезию в соединении с половой парестезией, после всего сказанного сомневаться нельзя. Так, под влиянием извращения чувственных ощущений убийца способен и на дальнейшие чудовищные манипуляции с трупом своей жертвы, например, он рассекает его на мельчайшие куски, роется в его внутренностях и т. п. Уже приводимый выше случай Бишеля доказывает эту возможность. Пример из новейшего времени представляет случай Менесклу (*Annales d'hygiène publique*), который на основании экспертизы Лассега, Бруарделя и Моте был признан душевно здоровым и приговорен к смертной казни.

Наблюдение 2. 15 апреля 1880 г. исчезла из дома родителей 4-летняя девочка. 16-го арестован был один из жильцов этого же дома по имени Менесклу. В его карманах были найдены ручки ребенка, а из печки извлечены полуобугленная головка и внутренности. В отхожем месте также нашли части трупа. Половые части не были найдены. При вопросе об этих последних Менесклу обнаружил смущение. Это обстоятельство, в связи с найденным у него циничным стихотворением, не оставляло никакого сомнения в том, что именно он изнасиловал и затем убил ребенка. Менесклу не выказывал ни малейших следов раскаяния и преступление свое объяснял только несчастьем. Умственные способности ограничены. Признаков вырождения не имеется; преступник туг на ухо, золотушен.

Менесклу 20 лет; на 9-м месяце жизни наблюдались судороги; впоследствии страдал беспокойным сном, ночным недержанием мочи, отличался нервностью, развивался поздно и плохо. С периода половой зрелости обнаруживал раздражительность, дурные наклонности, был ленив, неспособен

бен ни к каким занятиям. Даже в исправительном заведении он не переменился. Его отдали в морскую службу, но и там дело шло не лучше. Возвратившись домой, он обокрал своих родителей и вращался в самом дурном обществе. За женщинами он не бегал, но онанизму предавался усердно и иногда содомизировал сук. Мать его страдала периодическим маниакальным состоянием менструального характера, один дядя был душевнобольной, другой — пьяница.

При исследовании мозга Менесклу обе лобные доли, первая и вторая лобные извилины и часть затылочной извилины оказались патологически измененными.

Наблюдение 3. Приказчик Элтон, в Англии, отправляется на загородную прогулку, увлекает ребенка в кусты, через некоторое время возвращается и идет к себе в контору, где и заносит в свою записную книгу следующие слова: «Убил сегодня девочку, было прекрасно и горячо».

Дома родители хватились ребенка, отправились на поиски и нашли рассеченный труп, причем некоторые части, между прочим, половые органы, не удалось отыскать. Элтон не обнаружил ни малейших следов душевного волнения и не дал никаких объяснений относительно мотивов и подробностей своего ужасного злодеяния.

Это был психопатический субъект, у которого по временам замечались подавленное настроение и отвращение к жизни. Отец его испытал однажды приступ острой мании; один из близких родственников страдал манией убийства. Элтон был казнен.

Наблюдение 4. Джек-потрошитель. В 1887—1889 гг. в различных кварталах Лондона находили трупы девушек, своеобразным образом убитых и изувеченных. Убийцу не нашли. По всей вероятности, убийца совершал свое дело на почве скотской похоти, причем прежде всего перерезал им горло, затем вскрывал живот и рылся во внутренностях. Во многих случаях он вырезал наружные и внутренние половые органы и брал их с собой, очевидно для того, чтобы